⁴ См.: Плотников Б. А. Дистрибутивно-статистический анализ лексических значений.— Минск, 1979, с. 15.

⁵ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.— М., 1973, с. 135.

⁶ См.: Словарь синонимов в 2-х томах / Под ред. А. П. Евгеньевой.— М., 1970; Словарь синонимов.— Л., 1975; Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка.— Ростов-на-Дону, 1971; Львов П. Р. Словарь антонимов русского языка.— М., 1978.

⁷ См.: Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография.— М., 1976, с. 240.

А. М. ЭЛЬ АГАМИ

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОНИМИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА И ЕЕ ПЕРЕДАЧЕ В ПЕРЕВОДЕ

Антропонимия художественного текста постоянно вызывает интерес языковедов, так как «писатель, создавая произведение, дает образ времени не только в жизни и деятельности героев, но и через собственные имена»¹. Подтверждая это высказывание, А. В. Суперанская пишет: «Имя в литературном произведении играет очень важную роль — ориентира во времени и пространстве»². Каждое художественное произведение содержит имена и фамилии, которые «часто играют определенную роль, являясь добавочным средством воплощения замыслов автора»³. Примеры этого — имена и фамилии персонажей Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Глеба Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. П. Чехова.

Как А. П. Чехов подбирал имена и фамилии своих героев? Какое значение писатель стремился передать через этот подбор? Продолжая своих предшественников, А. П. Чехов поражал современников стилем, умением скупой и кратко писать. «С самого начала своей литературной деятельности Чехов, юморист и сатирик, упорно ищет в общенародном русском языке средства, которые дали бы ему возможность в предельно лаконической форме передать осмеянию то уродливое и ущербное, что в изобилии порождала русская действительность его времени»⁴.

Герои ранних кратких рассказов, напечатанных на страницах юмористических журналов «Осколки», «Будильник» и др., — чиновники, учителя, военные, полицейские, врачи, помещики, лавочники, крестьяне, лица духовного звания и др. Сплошь и рядом они являются носителями пошлости, мещанской ограниченности. Фамилии таких героев нередко создают как бы визитную карточку, по которой можно определить ее носителя: Ср.: **Червяков** (Смерть чиновника), **Индюков** (Антрепренер под диваном), **Хрюков** (Хамелеон), **Гарантулов** (Клевета).

Для военных и полицейских героев А. П. Чехов создал следующие фамилии: генерал-майор **Булдеев** (Лошадиная фамилия), генерал **Жигалов** (Хамелеон), генерал **Хахатов** (Пересолил), воинский начальник **Ребротесов** (Невидимые миру слезы), отставной прапорщик **Вывертов** (Упразднили!), надзиратель **Очумелов**, городской **Елдырин** (Хамелеон), жандарм **Клятвин** (Жалобная книга), унтер-офицер **Пришибеев** (Унтер Пришибеев).

Разоблачая социальное положение России 80-х годов, Чехов своими рассказами затронул жизнь помещиков, врачей, учителей, духовенства: помещик **Волдырев** (Справка), фабрикант **Пятигоров** (Маска); фельдшер **Курятин** (Хирургия), уездный врач **Хоботов** (Палата № 6); дьячок **Отлукавин** (Канитель), дьячок **Вонмигласов** (Хирургия), дьячок **Духов** (Жалобная книга); учитель **Пивомедов** (Экзамен на чин), учитель **Лампадкин** (В Париже!). Фамилии крестьян и мелких ремесленников были обычно лишены оттенка иронии: **Петр Петров** (Унтер Пришибеев), **Иона Потапов** (Тоска), **Денис Григорьев** (Злоумышленник).

В рассказах раннего Чехова мы можем встретиться с двойными фамилиями. Ср.: контр-адмирал **Ревунов-Караулов** (Свадьба с генералом), **Чимша-Гималайский** (Человек в футляре), **Фениксов-Дикообразов** — 2-й (Средство от запоя), **Воробьев-Соколов** (Комик) и др.

(Средство от запоя), **Воробьев-Соколов** (Комик) и др. Образы фамилии своих героев, Чехов часто отражал не тип, а «индивидуальные качества персонажа»⁵. Ср.: **Шельмецов** (Случай из судебной практики), **Пьявкина** (Ядовитый случай).

Не только самим образованием фамилий, которое производилось по различным продуктивным моделям, но и своеобразным использованием антропонимов А. П. Чехов многое раскрывает как в индивидуальном портрете, так и в социальном статусе героя. В последней главе известного рассказа Чехова есть многозначительная фраза: «В Дялиже и в городе его зовут просто Ионычем». Она связана с названием рассказа и как бы подводит один из итогов повествования: мещанский быт засосал героя, он стал «своим» и фамильярно-просторечное уважительное обращение обывателей к нему многое поясняет в истории доктора Старцева. Это не единственный случай в рассказе, когда Чехов специально обращает внимание на имя. Через четыре года после первых событий Старцев встретился с девушкой, любовь к которой, возможно, была единственной настоящей радостью в его жизни. Героиня, однако, изменилась не только внешне, но и внутренне. Отчасти это передано высказыванием «это была Екатерина Ивановна, а не Котик». Шутливая и ласкательная перелицовка имени Екатерина в Котик, содержащая определенную экспрессию, оказывается к ней уже неприложимой — во всяком случае для Старцева.

В рассказе «Мальчики» один из героев, Володя, привозит домой своего товарища. Он представляет его: «Мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса». Но немедленно отец называет его Черепицыным, а затем Чибисовым. Этот небольшой эпизод демонстрирует безразличное отношение к маленькому человечку, он как бы предвещает конец рассказа, когда на чужого мальчика сваливают «вину» за детский побег, так как показывает бездушное в общем отношении к нему. Впрочем, в заключительной сцене отец уже не путает фамилию Монтигомо Ястребиного Когтя и называет мальчишку правильно — господин Чечевицын.

Таким образом, Чехов разносторонне и многообразно использует в художественной ткани своих произведений антропонимию. Она служит ему как одно из ярких выразительных средств. В связи с этим возникает немало сложных вопросов при передаче антропонимов в переводах. Принятая в арабских переводах транскрипция собственных имен часто не позволяет передать многое в художественной ткани произведения. Вместе с тем эффективные способы полноценного раскрытия соответствующих мыслей автора, как в случаях с фамилиями, внутренняя форма которых значима («говорящие фамилии»), с уменьшительными именами типа Колечка, Ванечка, в случаях использования излюбленной Чеховым разговорной формы отчества (**Алексеич, Иваныч, Моисеич, Митрич, Андреич, Миколаич**), да и в более сложных случаях (трансформация имени Старцева или путаница с фамилией Чечевицына, а тем более, видимо, вообще непередаваемая на языке системной антропонимии история с «лошадиной фамилией»), пока еще не найдены. Путь к ним, с одной стороны, через более широкое знакомство арабской читательской аудитории с произведениями русской литературы, а с другой стороны, через тщательный анализ антропонимической системы Чехова и вообще русской художественной литературы.

¹ Колоколова Л. И. Имена собственные в раннем творчестве Чехова (Литературно-художественная антропонимика). — Киев, 1961, с. 4.

² Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М., 1973, с. 30.

³ Мгладзе Д., Колесников Н. Собственные имена в рассказах А. П. Чехова. — Труды Тбилисского ун-та, 1956, т. 61, с. 291.

⁴ Крестинская Т. П. Принципы использования личных собственных имен в рассказах Чехова 80-х годов. — Уч. зап. Новгородского пед. ин-та, т. II. Новгород, 1956, вып. 2, с. 155.

⁵ Сурова Н. В. Стилистическое назначение личных имен и фамилий в ранних рассказах А. П. Чехова. — В кн.: Чехов А. П. Сб. статей и материалов, вып. 4, Ростов, 1967, с. 266.